

DOI 10.15826/qr.2016.4.205

УДК 80+821.161.1+008

ВЗГЛЯД С ВОСТОКА*

Леонид Быков

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Рец. на: Дальний Восток, близкая Россия: Эволюция русской культуры – взгляд из Восточной Азии / под ред. В. Гречко, Су Кван Ким, Сусуму Нонака. – Белград ; Сеул ; Сайтама : Логос, 2015. – 272 с.

A VIEW FROM THE EAST

Leonid Bykov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Rev. of: Grechko, V., Su Kvan Kim, Susumu Nonaka (2015). *Dalnyi Vostok, blizkaya Rossiya: Evolyutsiya russkoy kulturyi – vzglyad iz Vostochnoy Azii* [Far East, Near Russia – The Evolution of Russian Culture: A View from East Asia]. 272 p. Belgrade ; Seoul ; Saitama.

The article is a review of the proceedings of two international symposiums in Tokyo (2014) and Seoul (2015), organised in the framework of a large project dedicated to the study of Russian culture. The book gives a very clear understanding of the range of interests of Japanese and South Korean Slavists. The authors of the collection focus both on the theoretical experience of the Russian humanities (Yu. Tynyanov, M. Bakhtin, and Yu. Lotman) and on the creative oeuvre of particular authors, especially prose writers and political essayists (I. Aksakov, V. Rozanov, A. Bely, V. Mayakovsky, Yu. Kazakov, F. Gorenstein, A. Kim, S. Alexievich, and M. Paley). According to the reviewer, the articles in the collection prove that, in their choice of topics and personalities, as well as in their methodological approaches, East Asian

* *Citation:* Bykov, L. (2016). A View from the East. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 277–285. DOI 10.15826/qr.2016.4.205.

Цитирование: Быков Л. A View from the East // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 4. P. 277–285. DOI 10.15826/qr.2016.4.205 / Быков Л. Взгляд с Востока // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 4. С. 279–286. DOI 10.15826/qr.2016.4.205.

scholars largely identify themselves with their Russian colleagues working at home and abroad.

Keywords: Russian literature; Russian culture; philology; literature; prose; journalism; creative identity; narrative.

Публикация представляет собой рецензию на сборник материалов двух международных симпозиумов в Токио (2014) и Сеуле (2015), организованных в рамках масштабного гуманитарного проекта, посвященного изучению русской культуры. Книга дает весьма отчетливое представление о круге интересов славистов Японии и Южной Кореи. Авторы представленных исследований сосредотачиваются как на освоении теоретического опыта российской гуманитарной мысли (Ю. Тынянов, М. Бахтин, Ю. Лотман), так и на рассмотрении творчества конкретных авторов, преимущественно прозаиков и публицистов (от И. Аксакова, В. Розанова, А. Белого, В. Маяковского, Ю. Казакова и др. до Ф. Горенштейна, А. Кима, С. Алексиевич, М. Палей). Вошедшие в сборник статьи, по мысли автора, свидетельствуют о том, что в выборе проблем и персоналий, равно как и в методологии анализа, восточноазиатские гуманитарии во многом солидаризируются с российскими коллегами, работающими на родине и за рубежом.

Ключевые слова: русская литература; русская культура; филология; публицистика; творческая индивидуальность; нарратив.

У этой внушительной книги притягательное своей поэтической емкостью название и столь же многообещающий концептуальной векторностью подзаголовок. И хотя следующие за титулом страницы первоначальные ожидания, признаем сразу, несколько умеряют, издание это, безусловно, заслуживает разговора о нем.

Перед нами, по сути, сборник материалов двух международных симпозиумов в Токио (2014) и Сеуле (2015). Он стал итогом едва ли не первого в Восточной Азии масштабного гуманитарного проекта, посвященного изучению русской культуры. Можно сказать, что здесь отражена реальная картина деятельности славистов Японии и Южной Кореи.

Книга дает весьма отчетливое представление о круге интересов наших восточноазиатских коллег. В принципе, и перечень рассматриваемых в ней эстетических реалий, и спектр проблемных предпочтений, и методологические основания предложенного анализа не обнаруживают существенных отличий от того, что можно встретить в коллективных сборниках отечественных литературоведов и культурологов. Многие авторы данного издания, когда бы их статьи были включены в такого рода сборники, если и выделялись бы в них, то разве что экзотическими для нашего ономастикона именами. И столь же логично в корпусе рецензируемой книги меж прочих публикаций

нашли себе место работы отдельных российских ученых, работающих ныне за пределами Отечества.

О чем свидетельствует подобная близость? О том, прежде всего, что гуманитарии разных стран способны объединяться (в частности, и под одной обложкой). При всем несходстве родных для авторов языков ученые, где бы они ни жили, открыты взаимопониманию, когда их усилия сосредоточены на аналитическом рассмотрении равно дорогих им художественных миров. В этом плане примечательно и то, что книга работ исследователей из Японии, Южной Кореи, России и Украины отпечатана в Сербии.

Закономерно авторы целого ряда статей сосредотачиваются на освоении теоретического опыта российской гуманитарной мысли, способного подтвердить свою продуктивность в новые времена и на новых для него широтах. Героями этих работ стали такие знаковые фигуры отечественной филологии, как Ю. Тынянов, М. Бахтин, Ю. Лотман, причем ссылки на их труды мелькают и на других страницах книги.

Статьями *Чжин Сок Чои* «Проблемы трансформации культуры в мышлении М. М. Бахтина» и *Ирины Шатовой* «Карнавально-гротескные традиции восточнославянских и японской литератур и культур: типологические схождения и взаимные влияния» засвидетельствован большой интерес к бахтинским концепциям со стороны ученых Южной Кореи и Японии. Кроме того, автор второй из этих работ, сославшись на очевидные различия в культурной практике Азии и Европы, обозначил типологическое сближение национальных форм карнавальности и гротеска, а также отметил немногочисленные, пусть, но реальные примеры влияния творчества Гоголя, Достоевского, Булгакова на художественное мышление ряда японских авторов и встречное воздействие японских реалий на культуру России и Украины. Это, правда, единственная в сборнике статья, где речь идет о том, как одна культура «в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» [Бахтин, с. 335]. Признаюсь, открывая сей том, я предполагал встретить больше материалов, посвященных ориентальной теме и восточному мифу в русском культурном восприятии. Но, возможно, эти проблемы будут обсуждаться на следующих симпозиумах.

Зато в рецензируемом своде интересно прослежено в свете лотмановских идей восприятие массовой культурой такого явления, как Корейская волна (Hallyu), связанного с южно-корейской культурной экспансией по миру (статья *Су Кван Ким*). К этой работе отчасти примыкает публикация Валерия Гречко о принципе дуальности в семиотической теории Ю. Лотмана. Данному труду, однако, недостает эстетической фактуры, от обращения к ней он не только бы выглядел убедительнее, но воспринимался бы в контексте сборника еще органичнее. Не забудем одну из лотмановских медитаций: «Метод не живет в безвоздушном пространстве, он ведет диалог с материалом» [Лотман, с. 297].

Наото Яги в статье «Значение пародии в литературоведческой деятельности Юрия Тынянова», обратившись к тыняновским штудиям разных лет, показал, как восприятием пародии в контексте литературной борьбы стимулировалось создание теории литературной эволюции. Несколько запоздалым, правда, в этом материале выглядит упрек «марксистскому литературоведению» в лице едва ли не впервые спустя десятилетия поминаемой Е. Гальпериной, которая в работе 1929 г. воспринимала пародию сквозь призму борьбы не литературной, а классовой. А вот некоторые публикации на данную тему более позднего происхождения (работы Вл. Новикова, а также материалы «Тыняновских сборников») не попали в зону авторского внимания.

Персональный ряд книги весьма репрезентативен и в собственно писательском отношении. Тут и признанные историко-литературные фигуры, такие как И. Аксаков, В. Розанов, Андрей Белый, В. Маяковский, Б. Пастернак, М. Шолохов, О. Берггольц, Ю. Казаков, и примечательные творческие индивидуальности последних десятилетий – Ф. Горенштейн, А. Ким, С. Алексиевич, М. Палей. Сам этот перечень говорит о том, что аналитический спрос здесь – прежде всего на публицистику и прозу. О стихах речи, можно сказать, не заходит, поскольку о Б. Пастернаке *Бора Чин* пишет в связи с художественным синкретизмом романа «Доктор Живаго», а В. Маяковский в статье *Кю Юн Чо* представлен как создатель рекламных текстов, новаторски совмещающих импульсы политической журналистики, культуры дизайна и бытового просвещения. Подобный «прозоцентризм» объясняется, скорее всего, не единственно личными предпочтениями авторов, но и тем, что как бы уверенно восточноазиатские слависты ни владели русским (а из 19 статей только две напечатаны по-английски), все-таки лирику на неродном языке воспринимать труднее, чем прозу. (Из приходящих на ум исключений вспоминаю разве что англичанина Джеральда Смита и голландца Кейса Верхейла, чьи работы о русской поэзии разных веков поражают не просто великолепной эрудицией, но и завидным не только для иностранца чувством русского языка).

Статья *Дмитрия Бадаляна* характеризует публицистическую практику Ивана Аксакова в российской общественной жизни 1850–1880-х гг. Представленные здесь сведения, в общем-то, уже известны, в том числе и по предыдущим выступлениям этого историка журналистики в отечественной печати. И в данной работе автору важно не столько обосновать однозначно репутацию И. Аксакова как либерала или, напротив, как консерватора, сколько убедить, что эти европейские ярлыки для него не годятся, и уместнее было бы видеть его среди сторонников «творческого традиционализма» [Дальний Восток, близкая Россия, с. 21]¹. При этом в статье акцентируется антиреволюционный пафос аксаковских выступлений, что, безусловно, соответствует реальности, но вместе с тем как для современников публициста, так и для нового времени особенно значимой представляется защита

¹ Далее в круглых скобках приводятся ссылки на страницы этого издания.

им гласности и свободы печати. На страницах аксаковских изданий последовательно отстаивались право на «свободное мнение в России» и необходимость диалога между властью и обществом: «Следуя же только и единственно системе запрещений, нельзя логически не прийти к бессмыслице: к необходимости сооружения Китайской стены между Россией и всем западным миром» [Аксаков, 1882, с. 3]. К сожалению, в ту пору – да только ли в ту? – эти здравые соображения не были услышаны. Д. Бадалян сравнивает авторитет своего героя с тем влиянием, каким в последующем столетии обладали А. Солженицын и А. Сахаров, но с тем преимуществом над ними, что «аксаковское слово слышал и народ» (с. 16). Тут все-таки дает о себе знать «усиление звука» – сошлюсь на самого И. Аксакова: «Мы имеем такую цифру газет и журналов, которая любого статистика могла бы привести к заключению о необыкновенной развитости просвещения в нашей стране и о многочисленности грамотных – но вся эта кипучая литературная деятельность и не проникает в народ, за пределы небольшого круга читающей публики!» [Аксаков, 1862, с. 2].

Еще один редко вспоминавшийся в советскую пору литератор от журналистики стал героем статьи Сусуму Нонака «Самопозиционирование консерватизма Василия Розанова». В ней, как и в предыдущей работе, речь ведется о широком диапазоне интересов публициста: враждебный политическому радикализму и подчеркнуто «штучный» в каждой медитации, В. Розанов, как доказывает данный материал, в предреволюционную пору «пытался сыграть роль катализатора идейного единства российского общества» (с. 26) и для этого «использовал консерватизм именно как повод динамизировать такие свои возлюбленные темы, как пол, семья, быт, традиция, литература и т. д.» (с. 38).

На первый план в публикации Такаси Мацумото об особенностях повествования в «Котике Летаеве» Андрея Белого вынесена специфика нарратива. Анализируя сопоставление в этом произведении «роя» и «строя» (образная терминология В. Шкловского), исследователь убеждает, что здесь имеет место отход от автобиографичности рассказывания, которое постоянно трансформируется, создавая впечатление «математически выверенной» обезличенности, что было свежим словом повествовательной техники.

Так получилось, что произведения двух нобелевских лауреатов – М. Шолохова и С. Алексиевич – рассматриваются в сборнике сквозь призму гендерно-телесной проблематики. Когда-то эти аспекты были отечественной культурологии и филологии в новостях, но за последние годы они стали столь же повседневными, что и, положим, разговоры об особенностях стиля и жанра.

Начальная часть названия статьи Дзюнны Хирамацу «Уничтожение тела в ранней советской литературе: женщины, казаки и революционеры в “Тихом Доне”» смотрится слишком «просторной» – и вторая его часть эту «размашистость» содержательно локализует.

Анализируя внутритекстовую динамику романа, исследовательница выявляет, как «женская» сфера и любовные линии совмещаются в нем с историей казачества, точнее, послереволюционного расказачивания. Вроде бы столько написано об этом произведении, а вот под таким углом зрения значимый для отечественной прозы текст воспринят филологически не банально: «Интимная сфера женщин, кажущаяся изолированной от остального общества, на самом деле прочно связана с политической сферой мужчин, и... вся политика в отношении казачества [в романе] сексуализирована, и все политические вопросы решаются в половом и гендерном плане» (с. 174). Формулировка, пожалуй, излишне категоричная, но сопутствующие ей выкладки представляются весьма убедительными.

Содержание статьи *Сихо Маэда* обозначено тоже внушительным ее названием – «Нарратив и репрезентация женщины на войне. Миф о войне и публицистика С. Алексиевич “У войны не женское лицо”». В дебютной книге будущей нобелиантки «деконструируется советский военный миф», причем, как демонстрирует эта работа, развенчиваемая писательницей мифология была подчинена маскулинной логике, притягательной, как ни парадоксально, для самих женщин, которые «на войне мечтали стать такими же, как мужчины» (с. 192). И хотя эстетические параметры описываемого текста смущают автора статьи («Публицистика Алексиевич не является прозой, но, на мой взгляд, ее можно отнести к художественной литературе» (с. 186)), высказанные в ней соображения выглядят содержательней и резонней тех скептических пассажей, которыми в ряде отечественных изданий комментировался недавний выбор Шведской академии.

«Женское тело в повести Марины Палей “Кабирия с Обводного канала”» – так обозначен предмет размышлений *Саотоко Такаянаги*. Автором учтены едва ли не все строчки, способные подтвердить, что героиня повести живет исключительно реакциями тела, постоянно подвергающегося насилию со стороны мужчин и болезней. Упущена одна лишь малость – название произведения. Меж тем оно, буквально отсылающее к киношедевр Ф. Феллини, через такую параллель позволяет увидеть Раймонду, превратившуюся в Моньку, не только в страдательном свете. Пусть мир враждебен к ее телу, но душевно она, подобно героине Джульетты Мазины (а еще раньше – Сонечке Мармеладовой), не чувствует себя униженной, и то, что способно ужасать нас, не оскорбляет ее, сохраняющую именно женское доверие и любопытство к столь жестокой к ней жизни. Душа здесь не подавлена плотью, и, как бы ни было много в тексте женского тела, оно не тождественно героине. Телесные характеристики при всем их изобилии для ее понимания недостаточны, и поэтому не хочется соглашаться с выводом статьи о том, что в повести «ясно показано, что писательница считает физическую сторону жизни важнее духовной» (с. 202).

Оригинальную трактовку прозы Анатолия Кима, напрямую соотношенную с натурфилософией Константина Циолковского, предлагает

в своей статье *Ен Ын Пак*. Намеренно уходя от ожидаемого, казалось бы, в данном случае повышенного внимания к «азиатскому происхождению» самого известного в Южной Корее современного российского литератора (у которого, заметим, в Сеуле вышло многотомное собрание сочинений), автор данного труда рассматривает творчество писателя как художественное следствие русского космизма, объединявшего науку, религию и искусство. Схождения между мыслительными опытами Циолковского (равно как и повлиявшими на него позициями Н. Федорова и Е. Блаватской) и философским наполнением таких произведений А. Кима, как «Лотос», «Белка», «Отец-Лес», безусловно, имеют место. Но едва ли связь тут генетическая. Калужский затворник при всем своем философском неопифитстве рационален, а мифологическое мировосприятие прозаика, интуитивное по сути, поливалентно и в силу этого открыто многим параллелям и ассоциациям. Не случайно, скажем, герой повести «Поклон одуванчику» по прозвищу Рабиндранат Тагор дорожит томиком Уолта Уитмена. И вообще, художественная мысль принципиально отлична от научной или околонучной медитации – вспомним Ю. Тынянова: «...то, что в науке имеет самодовлеющую ценность, то оказывается в искусстве резервуаром его энергии» [Тынянов, с. 296]. Подобно героине повести «Лотос», А. Ким обладает даром на каждое мгновение бытия «смотреть ясными глазами новорожденного и одновременно тайными очами смерти». Щедро наделенного воображением прозаика ничуть не заботит «вечность атома», о чем радел Циолковский, – он славит родство всего живого в мире, где уничтожение живущего и растущего необходимо для продолжения эстафеты жизни.

Провозвестник космонавтики упоминается и в статье *Тадаси Накамуры* «Мечта о мире как органическом целом в литературе советского периода: анализ “Красной птицы” Ю. Казакова, “Дневных звезд” О. Берггольц и др.». Здесь тоже вторая часть названия корректирует первую, и тоже, на мой взгляд, преувеличено воздействие философского арсенала на автора «Дневных звезд». Она тут предстает «как будто в колебаниях между Бергсоном и Лосским» (с. 131), меж тем для нее куда более определяющими были колебания между Фадеевым и Ахматовой (чьи имена тоже фигурируют в статье). Педалью смысловые сближения лирической прозы О. Берггольц с трудами А. Бергсона, подсказанные и созвучием их фамилий, и прямыми признаниями поэтессы, исследователь недооценивает то, что на писателев советского времени влияла прежде философом и идеологом русская литературная классика. Автобиографическую природу «Дневных звезд» обусловили не столько в полемическом запале читанные юной комсомолкой философские штудии, сколько «Былое и думы» А. Герцена, равно как и для Ю. Казакова первостепенно значимыми были творческие заветы И. Тургенева и И. Бунина.

Акцентированной авторской взволнованностью выделяется среди других тяготеющих к сдержанной научной стилистике материалов

статья Бориса Ланина о Фридрихе Горенштейне. Художественная аналитика этого не оцененного еще в должной мере мастера, который очевидно наследует Достоевскому и столь же очевидно с ним творчески полемизирует, характеризуется в этой работе через рассмотрение одной из центральных коллизий его творчества – евреи и русские. Обращаясь к персонажному ряду «чужаков», выведенных в романах «Попутчики», «Место», «Псалом», литературовед показывает, как писатель с трудной судьбой, который и сам «прожил всю жизнь чужаком» (с. 139), осмысляет болезненную во многих отношениях проблематику.

В сборник вошло и несколько материалов не на литературные темы. Хе Хён Нам, обращаясь к языковой политике СССР, предлагает убедительные подтверждения того, что языковой пуризм служил советизации массового сознания. Акико Хонда, анализируя содержание и поэтику фильма А. Медведкина «Новая Москва» (1937), дает развернутое объяснение, почему эта лента, оказавшись в разноречии с эстетикой социалистического реализма, так и не вышла на экраны.

Жаль, что у англоязычных материалов издания нет русской аннотации, как нет аннотаций на английском у русских текстов. Англоязычные «визитки» всех авторов также можно было сопроводить русским дублированием. Но в целом смысловый объем этого свода красноречиво свидетельствует о том, что интерес к культуре России за восточноазиатскими ее границами ничуть не меньший, чем за рубежами западными. Так что будем ждать новых публикаций наших коллег, работающих в Южной Корее и Японии, как, впрочем, и в других весях. Ведь, как подчеркнул, открывая вступительным словом данное издание, один из патриархов отечественного литературоведения профессор Б. Ф. Егоров, «взаимоотношения в нашем научном мире могут служить моделью для конструирования прочных, надежных взаимосвязей в любых социумах» (с. 4).

Список литературы

- Аксаков И. В ответ на статью «Гражданина» о печати // Русь. 1882. № 40. 1 окт. С. 3–4.
- Аксаков И. Русский прогресс и русская действительность // День. 1862. № 16. 27 янв. С. 1–2.
- Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 324 с.
- Дальний Восток, близкая Россия : Эволюция русской культуры – взгляд из Восточной Азии / под ред. В. Гречко, Су Кван Ким, Сусуму Нонака. Белград ; Сеул ; Сайтама : Логос, 2015. 272 с.
- Лотман Ю. М. Зимние заметки о летних школах // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 295–298.
- Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка : статьи. М. : Совет. писатель, 1965. 304 с.

References

- Aksakov, I. (1862). *Russky progress i russkaya deystvitel'nost'* [Russian Progress and the Russian Reality]. In *Den'*, 16, Jan. 27, pp. 1–2.

Aksakov, I. (1882). *V otvet na stat'yu "Grazhdanina" o pechati* [In Response to *Grazhdanin* Article on the Print Media]. In *Rus'*, 40, Oct. 1, pp. 3–4.

Bakhtin, M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. 324 p. Moscow, Iskusstvo.

Grechko, V., Soo-Hwan Kim, Susumu Nonaka (Eds.). (2015). *Dal'ny Vostok, blizkaya Rossiya : Evolyutsiya russkoy kul'tury – vzglyad iz Vostochnoy Azii* [Far East, Near Russia – The Evolution of Russian Culture: A View from East Asia]. 272 p. Belgrade, Seoul, Saitama, Logos.

Lotman, Yu. M. (1994). *Zimnie zametki o letnikh shkolakh* [Winter Notes on Summer Schools]. In *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* (pp. 295–298). Moscow, Gnozis.

Тынянов, Ю. (1965). *Problema stikhotvornogo yazyka : stat'i* [The Problem of Poetic Language: Articles]. 304 p. Moscow, Sovetsky pisatel'.

The article was submitted on 21.09.2016